

УДК 811.411.21'374:811.222.1'374:81'01
DOI 10.24412/3005-849X-2026-2-145-155

**СРЕДНЕПЕРСИДСКАЯ ПРАВОВАЯ
ЛЕКСИКА «ŠĀYAST NĒ ŠĀYAST» И ЕЁ
РЕЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОМ
ТАДЖИКСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ
ЯЗЫКЕ: К ПРОБЛЕМЕ
ДИАХРОНИЧЕСКОЙ
СТРАТИФИКАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ**

**ЛЕКСИКАИ ҲУҚУҚИИ «ŠĀYAST NĒ
ŠĀYAST»-И ЗАБОНИ ФОРСИИ МИЁНА
ВА БОЗТОБИ ОН ДАР ЗАБОНИ
АДАБИИ МУОСИРИ ТОҶИКӢ: ОИД БА
МАСЪАЛАИ ТАБАҚАБАНДИИ
ДИАХРОНИИ ИСТИЛОҲОТИ ҲУҚУҚӢ**

**MIDDLE PERSIAN LEGAL
VOCABULARY "ŠĀYAST NĒ ŠĀYAST"
AND ITS RELICS IN THE MODERN
TAJIK LITERARY LANGUAGE: TO
THE PROBLEM OF DIACHRONIC
STRATIFICATION OF LEGAL
TERMINOLOGY**

Маллаева Манижа Абдугаффоровна,
заведующий кафедрой таджикского языка
и литературы ГУ «Международный
институт Худжанда» ГУ
«Международный университет туризма и
предпринимательства Таджикистана»
(Худжанд, Таджикистан)

Маллаева Манижа Абдугаффоровна,
мудири кафедраи забон ва адабиёти
точик МД «Донишқадаи байналмилалӣ
Хучанд» МД «Донишгоҳи байналмилалӣ
сайёҳӣ ва соҳибқориш Тоҷикистон»
(Хучанд, Тоҷикистон)

Mallaeva Manizha Abdugaffarovna, head of
the department of Tajik language and
literature of the SI « International Institute of
Khujand » under the SI «International
University of tourism and entrepreneurship of
Tajikistan» (Khujand, Tajikistan)
e-mail: 777manizha@mail.ru

Произведено диахроническое исследование правовой лексики из среднеперсидского трактата «Šāyast nē Šāyast» («Приличествует и неприличествует») (VII–IX вв. н. э.) и её рефлексов в современном таджикском литературном языке и действующем уголовном законодательстве Республики Таджикистан. На материале глоссария М. Тавуси (Ширазский университет, 1365/1986) методом сплошной выборки выделены четыре семантических поля правовой лексики: запрет и нарушение нормы; наказание и принуждение; возмещение ущерба; ритуальное осквернение. Для каждого термина восстанавливается цепочка: среднеперсидская лемма — этимология — функция в тексте памятника — таджикский рефлекс — функционирование в современном законодательстве. Установлены три типа диахронической судьбы терминов: прямое лексическое наследование, семантическая реструктуризация и вытеснение арабизмами при сохранении структурных калек. Показано, что переход к исламскому, а затем советскому праву представлял собой терминологический, но не концептуальный разрыв: базовые правовые категории зороастрийской системы унаследованы современным таджикским законодательством в преобразованном виде.

Ключевые слова: среднеперсидский язык; «Šāyast nē Šāyast» («Приличествует и неприличествует»); правовая лексика; таджикский литературный язык; историческая лексикология; зороастрийское право; арабские заимствования; уголовное право; диахроническая терминология

Таҳқиқи диахронии лексикаи ҳуқуқи рисолаи “Šāyast nē Šāyast”-и форсии миёна (асрҳои VII–IX милодӣ) ва бозтоби он дар забони адабии муосири тоҷикӣ ва низоми амалқунандаи қонунгузориш ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон сурат гирифтааст. Дар асоси глоссарияи М.

Товусӣ (Донишгоҳи Шероз, 1365/1986) ва бо истифода аз усули интихоби фарогир чор майдони маъноии лексикаи ҳуқуқӣ муайян карда шудааст: манъ ва нақзи меъёр; ҷазо ва маҷбуркунӣ; ҷуброни зарар; олудашавии маросимӣ. Барои ҳар як воҳиди лугавӣ занҷираи диахронии «леммаи форсии миёна - этимология - вазифаи семантикӣ дар матни ёдгор - бозтоби тоҷикӣ - корбурд дар қонунгузорию муосир» барқарор карда мешавад. Се навъи асосии сарнавишти диахронии истилоҳоти ҳуқуқӣ мушаххас гардидааст: меросбардорӣ мустақими лугавӣ; бозсозии маъноӣ; ҷойгузинии иқтибосҳои арабӣ бо ҳифзи калқаҳои сохторӣ. Собит гардидааст, ки гузариши аз низоми ҳуқуқии зардуштӣ ба ҳуқуқи исломӣ ва баъдан ба низоми ҳуқуқии шуравӣ асосан на хусусияти концептуалӣ, балки хусусияти истилоҳӣ дошт: категорияҳои бунёдии ҳуқуқии низоми зардуштӣ дар шакли тағйирёфта дар қонунгузорию муосирӣ тоҷик ба мерос гирифта шудаанд.

Калидвожаҳо: забони форсии миёна; *Šāyast nē Šāyast*; лексикаи ҳуқуқӣ; забони адабии тоҷикӣ; лексикологияи таърихӣ; ҳуқуқи зардуштӣ; иқтибосҳои арабӣ; ҳуқуқи ҷиноятӣ; истилоҳоти диахронӣ

The article presents a diachronic study of the legal vocabulary from the Middle Persian treatise "Šāyast nē Šāyast" ("What is proper and what is improper") (7th–9th centuries CE) and its reflections in the modern Tajik literary language and the current criminal legislation of the Republic of Tajikistan. Based on the glossary of M. Tavusi (Shiraz University, 1365/1986), four semantic fields of legal vocabulary are identified using a continuous sampling method: prohibition and violation of the norm; punishment and coercion; compensation for damages; ritual desecration. For each term, the following chain is reconstructed: Middle Persian lemma—etymology—function in the text of the monument—Tajik reflex—function in modern legislation. Three types of diachronic destinies of terms are identified: direct lexical inheritance, semantic restructuring, and displacement by Arabicisms while preserving structural defects. It is shown that the transition to Islamic and then Soviet law represented a terminological, but not conceptual, rupture: the basic legal categories of the Zoroastrian system have been inherited by modern Tajik legislation in a transformed form.

Key-words: Middle Persian language; «*Šāyast nē Šāyast*» (what is appropriate and what is inappropriate); legal vocabulary; Tajik literary language; historical lexicology; Zoroastrian law; Arabic borrowings; criminal law; diachronic terminology

Введение. Изучение истории правовой терминологии таджикского языка — задача, которую исследовательская традиция, при всей своей богатой истории, решала, как правило, фрагментарно. Лингвисты занимались преимущественно лексикологией художественного и религиозного текста, правове́ды — нормативным содержанием источников, оставляя собственно юридическую лингвистику на пересечении двух дисциплин, лишь в последние десятилетия начавших оформляться в самостоятельную область исследования. Работы Т. С. Шокирова, обоснованно признаваемого основателем таджикской юрлингвистики [15; 16], открыли новые горизонты: стало возможно рассматривать правовую терминологию не как прагматический придаток языка, но как полноправную и исторически обусловленную систему, несущую в себе закодированную память о последовательных цивилизационных трансформациях — зороастрийской, исламской, советской и постсоветской [1; 2].

Трактат «Шайаст не Шайаст» («*Šāyast nē Šāyast*» («Приличествует и неприличествует»), далее — «*ŠnŠ*») в этой перспективе представляет собой исключительно ценный документ: это не богословский, а именно правовой текст, регламентирующий конкретные юридически значимые ситуации — деяния, влекущие наказание, процедуру признания вины, механизмы ритуального очищения, имущественного возмещения, санкции изгнания. Как справедливо

отмечает М. Тавуси в предисловии к своему глоссарию, «ŠnŠ» написан «бишта р дарбāре-йе гонāхāн ва кайфархāйе хамāрзе ān-xā, nāсуримен (мардāро нāпākū)» — преимущественно о грехах, соразмерных им наказаниях и о состоянии нечистоты [11, с. 4]. Само это определение уже задаёт правовые, а отнюдь не только сугубо религиозные горизонты текста.

Настоящая статья имеет двуединую цель: с одной стороны, она продолжает системный анализ правовой лексики «ŠnŠ» с опорой на точные данные глоссария Тавуси, рассматривая её как замкнутую терминологическую систему среднеперсидской эпохи, а с другой стороны, вписывает эту систему в более широкую диахроническую перспективу, сопоставляя среднеперсидские правовые реликты с терминологией таджикского законодательства — и советского периода (Уголовный кодекс Таджикской ССР 1961 года [4]), и постсоветского (Уголовный кодекс Республики Таджикистан 1998 года в редакции 2018 года [3]). Такой подход, соединяющий историческую лексикологию с юрислингвистикой, позволяет увидеть, каким образом тысячелетняя традиция правовой номинации преломляется в современном таджикском законодательстве: сохраняясь, трансформируясь или уступая место заимствованным структурам.

Актуальность исследования определяется, таким образом, не только историко-лингвистическими, но и сугубо практическими соображениями: разработчики кодексов, переводчики юридических текстов и терминологи, работающие с таджикским языком, нуждаются в глубоком осмыслении этимологических корней и исторических трансформаций терминологического материала, с которым имеют дело. Отсутствие такого осмысления ведёт к нередко наблюдаемым явлениям — к немотивированному дублированию терминов, к неосознанному введению в официальный текст историзмов, к терминологической неустойчивости, на которую обращал внимание Т. С. Шокиров применительно к современному таджикскому законодательству [16, с. 234].

Методы. Глоссарий М. Тавуси — «Vāže-nāme-ye Šāyast nē Šāyast: A Pahlavi-Persian Glossary and Six Indexes» (Ширазский университет, 1365/1986, 375 с.) — является на сегодняшний день наиболее полным лексикографическим описанием текста «ŠnŠ», опирающимся на семь рукописей [11, с. 6–9]. Особую научную ценность этому источнику придаёт принцип его построения: каждая словарная статья содержит среднеперсидскую лемму в транскрипции, хзварши (арамейские идеограммы) в транслитерации, грамматические формы и исторические параллели — авестийские, древнеперсидские, санскритские, армянские, манихейско-среднеперсидские, — а также точные указания на главу (k) и стих (s) текста «ŠnŠ» [11, с. 6]. Это делает глоссарий Тавуси не переводным словарём в обычном смысле, а полноценным историко-лингвистическим инструментом, позволяющим проследить каждый термин в его диахроническом развитии: начиная с авестийского праязыка и до современных таджикских и персидских рефлексов.

Немаловажно, что Тавуси специально оговаривает принципы отбора лемм (предисловие, с. 6–9), указывая на разграничение правовых терминов в строгом смысле и слов общего языка, встречающихся в правовом контексте. Этот методологический фундамент глоссария позволяет с достаточной степенью уверенности устанавливать, какие лексические единицы выступали в тексте как технические термины права, а не как нейтральные слова.

Настоящее исследование реализует трёхуровневый подход, сочетающий методы сравнительно-исторического языкознания, семантического анализа и юрислингвистики. На первом уровне осуществляется сплошная выборка правовых терминов из глоссария Тавуси с их классификацией по четырём выделенным семантическим полям. На втором уровне для каждого термина устанавливается таджикский рефлекс по «Фарҳанги забони тоҷикӣ»

(Москва, 1969) [12], «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» (Душанбе, 2008–2010) [13] и «Фарҳанги истилоҳоти ҳуқуқ» (Душанбе, 2009) [14]. На третьем уровне производится его сопоставление с функционированием соответствующего понятия в Уголовном кодексе РТ (редакция 2018 года), а там, где это аналитически значимо, — в Уголовном кодексе Таджикской ССР (1961). Последнее разграничение концептуально важно, поскольку советская кодификация ввела в таджикский правовой язык значительный пласт русско-интернациональной лексики, тогда как постсоветская в значительной мере осуществила ренационализацию терминологического состава, опираясь, в том числе, на историческую правовую лексику — исконно таджикскую и арабизированную персидско-таджикскую.

Особо следует оговорить позицию, которую занимает настоящее исследование относительно так называемой «концептуальной преемственности» в правовой терминологии. Возможность проследить терминологические параллели между «ŠnŠ» и современным УК РТ не следует воспринимать как тезис о непрерывной правовой традиции в институциональном смысле: разумеется, исламское, затем советское, а затем — и постсоветское право суть принципиально разные системы. Речь идёт о другом: о лингвистической и концептуальной матрице — о том, что определённые правовые понятия (вина/грех, наказание, признание вины, возмещение ущерба) сохраняют их центральную роль в правовой системе вне зависимости от того, в какой лексической оболочке они реализуются.

Результаты. Центральным концептом правового поля нарушения нормы является термин *vināh* (гlossарий Тавуси, с. 74: «*bī gonāh*» — через негативную форму *abē-vināh*), означающий грех, вину, преступление в нераздельной правово-религиозной семантике, характерной для зороастрийского права. Тавуси указывает на авестийскую параллель *aēnah-* со значением «преступление, правонарушение» [17, с. 263; 10], которая, в свою очередь, восходит к индоиранскому корню со значением действия, имеющего негативные последствия для сакрального порядка. Принципиально важно, что в тексте «ŠnŠ» *vināh* функционирует не как слово общего языка в правовом контексте, а как строго технический правовой термин, обозначающий конкретное деяние, квалифицированное как запрещённое и влекущее установленное наказание. Это свидетельствует о том, что ко времени создания «ŠnŠ» зороастрийское право достигло высокой степени терминологической формализации [9].

Таджикский рефлекс *гуноҳ* (< новоперс. *gunāh* < ср.перс. *gunāh*) — прямой потомок *vināh* через посредство классического персидско-таджикского языка — полностью сохранился в современном таджикском литературном языке. Более того, он сохранил тот же концептуальный синкретизм: «*гуноҳ кардан*» значит одновременно «согрешить» в религиозном смысле и «совершить проступок» в юридическом, что точно воспроизводит нераздельность сакрального и правового в зороастрийской системе нормирования. В уголовном законодательстве Таджикистана термин *гуноҳ* присутствует в обоих кодексах: в КоАП и в УК РТ он выступает как общий термин, обозначающий вину как субъективную сторону деяния [16, с. 89]. Примечательно, что в УК ТаджССР (1961) слово *гуноҳ* встречается лишь однажды — в статье 23-й, тогда как в УК РТ (1998/2018) оно фигурирует 14 раз, а производная форма *гуноҳгор* — 35 раз. Это соотношение отражает общую тенденцию в постсоветской кодификации к ренационализации юридической терминологии, к замене советских русизмов исконными или персидско-таджикскими терминами [5].

Термин *asrōšdār* (гlossарий, с. 32: «*nāfarmān, kase ki dar omur-e dinī nāfarmon miкунад*» — неподчиняющийся, нарушающий религиозный закон) образован от *srōš* (послушание, подчинение закону) с отрицательным префиксом *a-* и агентивным суффиксом *-dār*, что делает его строгим обозначением субъекта правонарушения — нарушителя нормы, а не просто грешника в общем смысле (Ср. «ŠnŠ», гл. 2/12) [11, с. 32]. В тексте этот термин

выступает как один из видов обозначения правовых субъектов наряду с покаявшимся (*patēt*) и с тем, кто отказывается признавать вину (*nē viṅraṅēd*). Подобная классификация субъектов по отношению к норме и к акту признания обнаруживает черты разработанного процессуального мышления.

В таджикском языке этот термин не сохранился: его семантику покрывает арабское заимствование *тархунанда* / *гунаҳкор* («виновный», «правонарушитель»). Однако любопытна топонимическая и антропонимическая судьба корня *sgōš* в таджикской ономастике. Важнейший запретительный оператор *nē abāyēd* (глоссарий, с. 14–15: «не следует, нельзя»; ср. *nē abāyēd yazišn* — «нельзя совершать богослужение») представляет собой стандартную запретительную формулу «ŠnŠ», структурно аналогичную нормативным запретам современного законодательства: «запрещается», «не допускается». Его исконный рефлекс в таджикском — *набойд* (< *nē abāyēd*) — полностью сохранился и функционирует как стилистически нейтральный запретительный оператор в текстах самых различных регистров, в том числе законодательных. Это один из наиболее показательных примеров непрерывного функционального наследования.

Семантическое поле запрета включает также термин *a-rādyāb* (глоссарий, с. 13: «нечистый, неосвящённый» — *nāpāk, nātāxir*) — ритуальную нечистоту как правовое состояние, при котором субъект лишён дееспособности в сакральных контекстах. В таджикском слово *нопок* (исконное) сохранилось как прилагательное общего языка, однако в правовом дискурсе его семантическое место заняло арабское *начис* / *начосат* (< ар. *najas*), что отражает трансформацию самого понятия нечистоты в новой религиозно-правовой системе — от зороастрийского понятия осквернения к исламскому понятию ритуальной нечистоты.

Термин *a-patētīh* (глоссарий, с. 13: «нераскаяние, отказ от покаяния» — *тобе накардан, нашимāн нашодан*) обозначает тяжкое правовое состояние, при котором наказание не может быть смягчено, поскольку отсутствует акт признания вины и выражения готовности к искуплению. Таджикский рефлекс *тавба накардан* — арабское ядро (*tawba*) при сохранении иранской глагольной рамки — демонстрирует феномен, который можно было бы назвать «гибридной преемственностью»: концептуальный каркас заимствован из исламского права, однако грамматическая структура, выражающая правовую значимость отказа от покаяния, восходит к иранской модели.

Другим центральным термином системы наказания в «ŠnŠ» является *pādafrāh* (глоссарий, с. 116: «пāдафрāх, пāдафрā, кайфар, عقوبت» — наказание, кара). Тавуси приводит авестийскую параллель **raitifrasa-* и хзоварш *r²dyur²h*, а также обширный корпус ссылок на текст: «ŠnŠ» 9/7, 9/8, 5/8, 11/12, 12 [11, с. 116]. Это один из наиболее частотных правовых терминов памятника, что свидетельствует о центральном положении концепта наказания в правовой системе «ŠnŠ». Сопоставление с современной таджикской правовой терминологией здесь особенно поучительно: термин *подафраҳ* зафиксирован в классической поэзии (Рудаки, Фирдоуси) и в «Фарҳанги забони тоҷикӣ» со значением «наказание, кара» [12] — это прямое непрерывное наследование через посредство классического таджикско-персидского литературного языка.

В уголовном законодательстве Таджикистана доминируют арабские конкуренты *чазо* и *мучозот*. В УК РТ термин *чазо* используется более 1 200 раз, занимая место, семантически аналогичное тому, которое занимает *pādafrāh* в системе «ŠnŠ». Сравнение этих двух систем наказания обнаруживает структурную аналогию: оба источника разграничивают наказание как социально-правовую меру и наказание как внутреннее нравственное воздаяние, оба предполагают таксацию наказания по степени тяжести деяния, оба знают категорию смягчения или отягощения наказания в зависимости от обстоятельств, включая признание

или непризнание вины. Замена *rādafrāh* на *чазо* означала терминологический, но отнюдь не концептуальный разрыв.

Показательна судьба термина *āstar* (гlossарий, с. 34: «*āštar*, *tāziāne*, *шалāk*» — плеть, кнут, розга; авестийская параллель *āstrā-*, AiWb. 263 [18, с. 263]). Сложные глаголы *āstar burdan* — «принять телесное наказание» и *āstar xōrdan* — «получить удар плетью» (гlossарий, с. 34: «*шалāk хордан*») свидетельствуют о том, что телесное наказание было достаточно систематизированным элементом правовой системы «ŠnŠ». В современном таджикском языке *аштар* как апеллатив не сохранился, превратившись в историзм. Его семантическое место заняли арабизмы *тозиёна* и *шаллоқ*. Однако принципиально важно следующее наблюдение: глагол *шаллоқ хӯрдан* воспроизводит структуру *āstar xōrdan* — иранскую глагольную рамку с новым арабским именным ядром. Это явление структурного калькирования свидетельствует о том, что концептуально-синтаксическая модель правового языка оказывается устойчивее лексического наполнения.

Исключительного научного внимания заслуживает система числового таксирования наказания, зафиксированная в гlossарии: термин *agrift* (гlossарий, с. 88: «*агрифт*, *nām-e табакейе аз гонāхān*», «*андāзе-йе ān 16 дерам санг*» — название разряда грехов, размер санкции за которые составляет 16 дирхемов серебра) свидетельствует о разработанной системе количественно эквивалентного возмездия. Ср. также: *ardūš* — 4-й разряд грехов (30 ударов), *x⁻ari* — 5-й разряд (гlossарий, с. 44). Подобная таксация ставит зороастрийское право в один ряд с высокоразвитыми правовыми системами — вавилонской, греческой, римской — и опровергает нередко встречающееся в учебной литературе представление о нём как о сугубо религиозном наборе запретов. В современном таджикском уголовном праве числовая таксация наказания реализована в совершенно иной системе — в санкциях статей УК РТ, определяющих минимальный и максимальный срок лишения свободы, размер штрафа и иных мер воздействия. Прямой преемственности нет, однако сам принцип нормированного, измеримого наказания как основы правовой предсказуемости — общий.

Важнейший процессуальный термин *virravēd* (гlossарий, с. 88–90: «*зекрод*, *этерāф конад*, *бāвар конад*» — признаёт вину, исповедуется) в праве «ŠnŠ» выполняет функцию, соответствующую признанию обвиняемого в современном уголовном процессе. Его антоним *nē virravēd* — «не признаёт, отказывается признавать» (с. 90: «*нагрод*, *этерāф наконад*») — является усугубляющим обстоятельством [11, с. 88–90]. В современном таджикском праве эту функцию выполняют термины *эйтироф кардан* (арабизм с иранской глагольной рамкой) и *икрор кардан* (более официальная арабская форма). В УК РТ категория признания вины концептуально соответствует «ŠnŠ»-овскому разграничению *virravēd* / *nē virravēd*, с той разницей, что в современном уголовном праве признание является основанием для смягчения приговора, а не для отдельного исчисления вины.

Полисемантический концепт *dād* (гlossарий, с. 84 в составе *a-dād*: «*бидād*, *сетам*» — беззаконие, произвол; *abē-dād* — то же; позитивная форма *dād* — «*закон*, *право*, *дар*, *справедливость*») представляет собой, по всей видимости, наиболее значимый правовой концепт иранской правовой традиции. Его семантический диапазон охватывает одновременно правотворчество (*dād* как закон), правоприменение (*dād* как справедливое судебное решение) и нравственный порядок (*dād* – справедливость как таковая). Именно эта концептуальная насыщенность обусловила исключительную продуктивность и устойчивость данного корня в таджикском языке.

Таджикский рефлекс *дод* породил целое гнездо юридических терминов современного таджикского языка, не имеющих эквивалентов равной укоренённости в арабской системе: *додгоҳ* («суд», букв. «место справедливости»), *додхоҳ* («истец», букв. «ищущий

справедливости»), *додситон* («прокурор», букв. «берущий справедливость»), *бедод* («беззаконие», букв. «без-дод»), *додмурсон* («следователь»). Примечательно, что в советский период термин *додгоҳ* был частично вытеснен транслитерированным русским суд / судхона, однако в постсоветской кодификации вернул себе место в официальном правовом языке. Это наблюдение подтверждает общую закономерность, установленную в диссертационном исследовании автора: советский период в таджикской юридической терминологии характеризовался широкой интервенцией русской и интернациональной лексики, тогда как постсоветская кодификация в значительной мере осуществила реабилитацию исконной персидско-таджикской терминологии.

Термин *ušōfītd* (глоссарий, с. 68: «хадие, пишкаш надри, фдие ва қорбани кардан» — жертвенный дар, выкуп, компенсационная жертва) описывает искупительный платёж как форму возмещения ущерба перед сакральным порядком. В этом смысле он структурно соответствует понятию *дийа* (выкуп за кровь) в исламском праве, хотя содержательно значительно отличается: зороастрийский *ušōfītd* — это сакральная компенсация, тогда как исламская *дийа* — прежде всего компенсация имущественная. Принципиально важно, что в таджикском имущественно-правовом дискурсе иранский по происхождению термин *товон* («возмещение ущерба, компенсация») устоял против арабского *гарамона* (< ар. *gharāma*). Это пример того, как имущественно-правовая лексика оказывается значительно более устойчивой, чем сакрально-правовая, при смене религиозно-правовой парадигмы.

Система исчисления долга и оценки размера ущерба в «ŠnŠ» фиксируется через термины *āmār* (с. 48: «счёт, исчисление»; ср. авест. $\sqrt{\text{mag-}}$, помнить, учитывать [11, с. 48]), *ušmār* (с. 68: «счёт, подсчёт»), *handāxt* (с. 76: «исчислил, оценил, рассчитал»). В таджикском *омор* сохранился в значении «статистика, численность», т.е. произошёл семантический сдвиг от правового исчисления к нейтральному количественному учёту, тогда как в финансово-правовом контексте это место заняло арабское *хисоб* (< ар. *ḥisāb*). В действующем УК РТ финансово-правовые расчёты выражены через систему понятий в основном арабского и русско-интернационального происхождения: штраф, чарима, зарар, зиён, — что отражает многослойность лексического состава современного таджикского правового языка.

Ритуальное осквернение как правовое состояние обозначается в «ŠnŠ» термином *hamrēt* (глоссарий, с. 50: «хамрит, āлодаги дар асаре тамās-е мостаким» — загрязнение в результате прямого контакта). В правовой системе «ŠnŠ» это не метафора нечистоты, но строго операционализированное правовое состояние, влекущее определённые последствия для правовой дееспособности субъекта. Сочетание *ham karzag* (с. 50: «хамкарзе, дар тамās, пайвасте, часбиде» — в непосредственном соприкосновении) служит описанием причинно-следственной цепи, порождающей это состояние [11, с. 50]. Здесь зороастрийское право обнаруживает концептуальное сходство с системами многих других древних правопорядков, в частности с левитским Термин *rādyābīh* (глоссарий, с. 116: «пāдиāб, пāдиāбī, тахāрат, возу, шостошу, ḡosl» — очищение, ритуальное омовение; авестийская параллель *raity-āram: Modī*, pp. 83–90; SnŠ 10/2, 18/8, 22/12 [11, с. 116]) описывает юридически значимый акт снятия осквернения. Показательна персидская глосса в самом глоссарии Тавуси: арабские *тахāрат* и *возу* поставлены как функциональные эквиваленты к *rādyābīh*. Это отражает осознанную переводческую работу позднесредневековых учёных, искавших соответствия между зороастрийскими и исламскими правовыми понятиями. В таджикском рефлекс *нок* (< ср.-перс. *rāk*) полностью сохранился в значении «чистый», а таджикское *покй* — в значении «чистота, чистоплотность» — противопоставит арабскому *тоҳорат* в религиозном дискурсе и сохраняет своё место в общелитературном плане.

Особого аналитического внимания заслуживает термин *patēt* (гlossарий, с. 122: «патит, тебе аз гонāх, э́терāф бе гонāх» — покаяние, исповедание греха; авестийская форма *raititi*, AiWb. 829; SnŠ 14/4, 12/8 [11, с. 122]). В правовой системе «ŠnŠ» *patēt* — это не просто религиозный акт, но юридически значимое действие, влекущее изменение правового статуса субъекта: от состояния виновности (*vināh*) к состоянию искупившего вину. Структурно это соответствует различению в современном уголовном праве между лицом, не признавшим вину, и лицом, признавшим её, с соответствующими процессуальными и материальными последствиями. В таджикском языке слово *тавба* (< ар. *tawba*) полностью вытеснило исконный термин, однако культурная матрица «признание вины как акт правового очищения» сохраняется в полном объёме и в народном правосознании, и в официальной юридической системе.

Обсуждение. Проведённый многоуровневый анализ позволяет выстроить типологию судебных среднеперсидских правовых терминов в таджикском языке, учитывающую не только лексическое, но и концептуальное, и функциональное измерение.

Группа I — **прямые рефлексы** (форма и значение сохранены): *nē abāyēd* → набояд; *dād* → дод; *pādafrāh* → подафрах; *pāk* → пок; *vināh* → гуноҳ (через ново-перс.); *arz* → арз / арзиш; *avām* → вом (долг). Эта группа демонстрирует подлинную непрерывность иранской правовой традиции в таджикском языке. Особенно показателен пример **дод** — это корень, который напрямую восходит к концептуальному ядру правовой системы «ŠnŠ» и продолжает быть продуктивным в самой официальной части правового лексикона современного Таджикистана.

Группа II — **семантические сдвиги** (форма сохранена, значение реструктурировано): *āmāg* → омор (из «исчисления долга» в «статистику»); *arzān* → арзон (из «достойного, ценного» в «дешёвый» — показательный отрицательный семантический сдвиг, не имеющий аналогов в правовом дискурсе); *dodgoh*, *dodxoh* — новые дериваты от исконного корня, созданные в эпоху постсоветской правовой терминологии, при этом сам корень восходит к *dād* из «ŠnŠ». Эта группа свидетельствует о процессах терминологического переосмысления, при котором традиционная лексическая форма получает новое, исторически обусловленное содержание.

Группа III — **вытеснение арабизмами и русизмами** (форма и значение заменены): *pādyābīh* → тохорат; *ahrmoḡīh* → куфр / иртидод; *virravēd* → э́тироф / иқроп; *āstar* → тозиёна / шаллоқ; *uzdēhīgīh* → бадарға. Вытеснение произошло преимущественно в VIII–X вв. н. э. в ходе исламизации и арабизации официального правового дискурса. Однако даже здесь структурная преемственность нередко прослеживается в синтаксических моделях — глагольных рамках, сохраняющих иранскую архитектуру при арабском лексическом наполнении (шаллоқ хўрдан ← *āstar xōrdan*; тавба накардан ← *a-patētīh*).

Необходимо также специально рассмотреть четвёртую группу, которую можно было бы назвать «советской интервенцией» и последующей «постсоветской реабилитацией». Советская кодификация 1935 и 1961 годов в значительной мере переориентировала таджикский правовой язык на русско-интернациональную лексику: гражданин, прокурор, адвокат, президиум, рецидив, бандитизм, диверсия, контрабанда — все эти термины вошли в УК ТаджССР как прямые заимствования или кальки [6]. Постсоветская кодификация УК РТ частично обратила этот процесс: контрабанда → қочоқ, диверсия → тахрибқорӣ, хулиганство → авбошӣ. Примечательно, что при этом был частично задействован слой исторической иранской лексики — например, термин **кирдор** («деяние», в современном смысле *actus reus*) восходит к той же лексической традиции, что и *kāra* в «ŠnŠ»-системе описания действия.

Генеральный вывод из данной типологии состоит в следующем: вытеснение среднеперсидских правовых терминов затронуло прежде всего специфически зороастрийскую сакрально-правовую лексику — термины ритуального осквернения, религиозного преступления, жреческого судопроизводства. Лексика имущественно-правовая (долг, стоимость, оценка, возмещение ущерба), общеюридическая (запрет, вина, справедливость, наказание в широком смысле) и процессуальная (признание, непризнание, санкция) оказалась значительно устойчивее — здесь иранские термины либо сохранились напрямую, либо образовали новые дериваты, либо сохранили свою концептуальную структуру при смене лексического наполнения.

Заключение. Ряд конкретных наблюдений, полученных при сопоставлении правовой лексики из «ŠnŠ» с терминологией действующего УК РТ, заслуживает отдельного рассмотрения.

Прежде всего обращает на себя внимание проблема полисемии в правовом языке, которая в одинаковой мере была актуальна и в системе «ŠnŠ», и в современном таджикском законодательстве [7]. Как показывает анализ глоссария Тавуси, среднеперсидские правовые термины, при всей их формальной устойчивости, могли обнаруживать значительный семантический диапазон: *pādafrāh* обозначает и наказание как таковое, и разряд наказания, и конкретный акт наказания. Аналогичная проблема характерна для современного таджикского права: в УК РТ термин *қирдор* употребляется для обозначения и действия, и бездействия, что, как справедливо указывает Т. С. Шокиров, не вполне согласуется с лингвистическим смыслом слова [16, с. 234].

Далее следует обратить внимание на структуру антонимических пар в обоих источниках. Право как нормативная по своей природе система опирается на бинарные оппозиции: дозволенное / запрещённое, виновный / невиновный, наказание / освобождение от наказания. Название «ŠnŠ» — «šāyast / nē šāyast» («Приличествует и неприличествует») — само по себе является воплощением этого принципа. В современном УК РТ аналогичная система антонимических пар — *ҷиноят / ҷазо* (преступление / наказание), *ғуноҳ / савоб* (вина / благодеяние), *ҳаракат / беҳаракатӣ* (действие / бездействие) — структурно воспроизводит ту же нормативную бинарность, хотя на иной терминологической основе. Особого внимания заслуживает и вопрос об иноязычных заимствованиях в правовом языке — вопрос, актуальный как для «ŠnŠ», так и для современного таджикского законодательства. В тексте «ŠnŠ» арамейские хзаварши — слова-идеограммы, используемые для записи иранских понятий семитскими знаками, — отражают влияние арамейского административного языка Ахеменидской эпохи. В современном УК РТ европеизмы — ретсидив, бандитизм, терроризм, геноцид, экотсид — выполняют аналогичную функцию интернационального правового языка, позволяющего встраивать таджикскую правовую систему в более широкое пространство международного права. Таким образом, взаимодействие с иноязычными элементами является не нарушением, а органической чертой таджикской правовой терминологии на всём её историческом протяжении.

Наконец, особо значимым представляется вопрос о роли признания вины в обеих системах. В «ŠnŠ» оппозиция *vīrravēd / nē vīrravēd* структурирует процессуальный исход дела: признание смягчает меру наказания, непризнание — отягощает. В действующем УК РТ аналогичная логика реализована в системе смягчающих обстоятельств (статья 63 УК РТ), где явка с повинной и признание вины учитываются при назначении наказания. Концептуально — при всём различии правовых систем и правовых культур — перед нами одна и та же идея: признание вины как морально-правовой акт, влекущий юридически

значимые последствия. Эта идея прослеживается в таджикской правовой традиции «ŠnŠ» через исламское право и вплоть до современного законодательства.

Итак, проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов, значимых как в историко-лингвистическом, так и в юрислингвистическом отношении.

Во-первых, правовая лексика из «Šāyast nē Šāyast» представляет собой не архаический пережиток, но живое звено в диахронической цепи таджикской юридической терминологии. Концептуальный аппарат, созданный зороастрийской правовой мыслью и зафиксированный в «ŠnŠ» с точными числовыми санкциями, классификацией субъектов и процессуальными актами, был унаследован таджикским языком в трёх формах: прямого лексического наследования (дод, пок, набояд, подафрах, гунох), семантической реструктуризации исконных основ (омор, додгох, арзиш, товон) и структурного калькирования при арабском или тюркском лексическом наполнении (эйтироф кардан, тавба кардан, шаллок хурдан).

Во-вторых, вытеснение среднеперсидских правовых терминов, произошедшее в VIII–X вв. н. э. в ходе арабизации официального правового дискурса, носило дифференцированный характер: оно затронуло прежде всего специфически зороастрийскую сакрально-правовую лексику, тогда как имущественно-правовая и общеправовая лексика оказалась значительно более устойчивой. Переход к исламскому праву был, таким образом, терминологическим, а не концептуальным разрывом: были унаследованы структуры правового мышления — бинарность нормы, таксация наказания, покаяние как правовой акт, признание вины как основание для смягчения наказания.

В-третьих, советский период в истории таджикской правовой терминологии стал временем масштабной интервенции русской и интернациональной лексики, во многом вытеснившей не только арабизированную персидско-таджикскую, но и более раннюю иранскую правовую лексику. Постсоветская кодификация (УК РТ 1998/2018) осуществила частичную ренационализацию терминологии, задействовав исторический пласт иранской и персидско-таджикской лексики [8]. В этом контексте исследование «ŠnŠ» приобретает не только историко-лингвистическое, но и практическое значение: оно позволяет выявить исторические корни терминов, которые разработчики современного таджикского законодательства интуитивно или осознанно извлекают из глубин языка.

В-четвёртых, настоящее исследование подтверждает правомерность и перспективность юрислингвистического подхода к истории таджикского языка: история правовой терминологии — это одновременно история правовых систем, политических режимов, культурных трансформаций и языкового контакта. Понять современный таджикский правовой язык — значит понять тысячелетнюю историю, отложившуюся в его терминах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Авесто / Гузориш ва пажӯҳиши Чалили Дӯстхоҳ*. — Душанбе: Қонуният, 2001. — 792 с.
2. Бердыева Т. *Лингвистические и экстралингвистические причины арабских заимствований в таджикском языке / Т. Бердыева*. — Душанбе: Ирфон, 1971. — 145 с.
3. *Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон (дар асоси нашри 1998. Бо тағйироту иловаҳо)*. — Душанбе: Қонуният, 2018. — 428 с.
4. *Кодекси ҷиноятӣ РСС Тоҷикистон*. — Сталинобод: Наирдавлтоҷ, 1961. — 116 с.
5. Маллаева М. А. *Истилоҳоти ҳуқуқи ҷиноятӣ ва вержағҳои онҳо дар забони тоҷикӣ / М. А. Маллаева // Ахбори ДДҲБСТ. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ*. — Хучанд: Нури маърифат, 2015. — № 4 (65). — С. 138–145.
6. Маллаева М. А. *Аврупоизмҳо дар Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон / М. А. Маллаева // Ахбори ДДҲБСТ*. — Хучанд: Дабир, 2018. — № 1 (74). — С. 127–134.
7. Маллаева М. А. *Вержағҳои сермаъно дар ҳуқуқ / М. А. Маллаева // Ахбори Академияи илмҳои ҶТ. Шӯъбаи илмҳои ҷамъиятшиносӣ*. — Душанбе: Дониш, 2020. — № 2 (259). — С. 196–201.

8. Маллаева М. А. Пайдоиши истилоҳоти ҳуқуқи ҷиноятӣ дар забони тоҷикӣ ва даврабанди он / М. А. Маллаева // *Забон ва рукни он*. — Хучанд: Дабир, 2020. — С. 81–87.
9. Периханян А. Г. Сасанидский судебник. Книга тысячи судебных решений. — Ереван: АН АрмССР, 1973. — 540 с.
10. Саймиддинов Д. Вожаииносии забони форсии миёна / Д. Саймиддинов. — Душанбе: Пайванд, 2001. — 204 с.
11. Тавуси М. *Vāže-nāme-ye Šāyast nē Šāyast: A Pahlavi-Persian Glossary and Six Indexes*. — Шираз: Ширазский университет, 1365/1986. — 375 с.
12. Фарҳанги забони тоҷикӣ. — Москва: СЭ, 1969. — Ҷ. 1–2.
13. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. — Душанбе: Паҷӯхшигоҳи забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ, 2008–2010. — Ҷ. 1–2.
14. Фарҳанги истилоҳоти ҳуқуқ (нашири дуюм). — Душанбе: Эр-граф, 2009. — 574 с.
15. Шокиров Т. С. Истилоҳоти ҳуқуқшиносии тоисломӣ дар забони тоҷикӣ / Т. С. Шокиров. — Хучанд: Хуросон, 2008. — 118 с.
16. Шокиров Т. С. *Формирование и развитие юридических терминов таджикского языка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.22 / Т. С. Шокиров*. — Душанбе: ТНУ, 2011. — 357 с.
17. Bartholomae Ch. *Altiranisches Wörterbuch*. — Strassburg: Trübner, 1904. — 2000 Sp.
18. Bartholomae Ch. *Указ. соч.* — Sp. 263.

REFERENCES:

1. *Avesta / Translation and Research by Jalil Dustkhah*. — Dushanbe: Qonuniyat, 2001. — 792 pp.
2. Berdyeva T. *Linguistic and Extralinguistic Causes of Arabic Borrowings in the Tajik Language*. — Dushanbe: Irfon, 1971. — 145 pp.
3. *Criminal Code of the Republic of Tajikistan (based on the 1998 edition, with amendments and additions)*. — Dushanbe: Qonuniyat, 2018. — 428 pp.
4. *Criminal Code of the Tajik SSR*. — Stalinabad: Nashrdavlotj, 1961. — 116 pp.
5. Mallayeva M. A. *Criminal Law Terminology and Its Features in the Tajik Language // Bulletin of TSULBP. Series of Humanities*. — Khujand: Nuri ma'rifat, 2015. — No. 4 (65). — PP. 138–145.
6. Mallayeva M. A. *Europeanisms in the Criminal Code of the Republic of Tajikistan // Bulletin of TSULBP*. — Khujand: Dabir, 2018. — No. 1 (74). — PP. 127–134.
7. Mallayeva M. A. *Polysemous Words in Law // Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. Department of Social Sciences*. — Dushanbe: Donish, 2020. — No. 2 (259). — PP. 196–201.
8. Mallayeva M. A. *The Origin of Criminal Law Terminology in the Tajik Language and Its Periodization // Language and Its Component*. — Khujand: Dabir, 2020. — PP. 81–87.
9. Perikhanian A. G. *The Sasanian Law Book: The Book of a Thousand Judgments*. — Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1973. — 540 pp.
10. Saymiddinov D. *Lexicology of the Middle Persian Language*. — Dushanbe: Payvand, 2001. — 204 pp.
11. Tavusi M. *Vāže-nāme-ye Šāyast nē Šāyast: A Pahlavi-Persian Glossary and Six Indexes*. — Shiraz: Shiraz University, 1365/1986. — 375 pp.
12. *Dictionary of the Tajik Language*. — Moscow: Soviet Encyclopedia, 1969. — Vols. 1–2.
13. *Explanatory Dictionary of the Tajik Language*. — Dushanbe: Rudaki Institute of Language and Literature, 2008–2010. — Vols. 1–2.
14. *Dictionary of Legal Terms (2nd edition)*. — Dushanbe: R-graph 2009. — 574 pp.
15. Shokirov T. S. *Pre-Islamic Legal Terminology in the Tajik Language*. — Khujand: Khuroson, 2008. — 118 pp.
16. Shokirov T. S. *Formation and Development of Legal Terms of the Tajik Language: Doctoral Dissertation in Philology: 10.02.22*. — Dushanbe: TNU, 2011. — 357 pp.
17. Bartholomae Ch. *Altiranisches Wörterbuch*. — Strassburg: Trübner, 1904. — 2000 col.
18. Bartholomae Ch. *Op. cit.* — Col. 263.